

ИЗВЕСТИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР

ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА

1952, том XI, вып. 5

сентябрь — октябрь

РЕЦЕНЗИИ

Wolfgang Steinitz, Geschichte des ostjakischen Vokalismus [История хантыйского вокализма], Akademie-Verlag, Berlin, 1950, 138 стр.

Ученый Германской Демократической Республики, профессор Берлинского университета, В. Штейниц уже два десятка лет работает над разными проблемами финно-угорского языкознания. За этот период из-под его пера вышло немало ценных работ¹.

Интересы В. Штейница направлены, с одной стороны, к изучению обско-угорских языков, хантыйского (остяцкого) и мансийского (вогульского), с другой — к разрешению весьма сложной проблемы финно-угорского вокализма. Такое сочетание в тематике ученого (обско-угорские языки и проблема вокализма финно-угорских языков) явление не случайное. Система гласных обско-угорских языков с точки зрения финно-угорского вокализма в целом представляет исключительный интерес, поскольку в них (в особенности в некоторых диалектах хантыйского языка), по мнению В. Штейница, сохранились наиболее архаичные черты. Повидимому, изучение хантыйского языка, которым он занимался долгое время, в частности в Ленинграде, имея дело со студентами-представителями самых разнообразных диалектов хантыйского языка, и натолкнуло его на мысль приняться за проблему угро-финского вокализма.

Рецензируемая работа посвящена истории гласных хантыйского языка. До В. Штейница этой проблемой занимался К. Ф. Карьялайнен². Оба эти исследователя хантыйского языка рассматривают только вокализм первого слога, оставляя в стороне вокализм непервого слога. Действительно, система гласных первого слога требует отдельного от вокализма прочих слогов рассмотрения: «Вокализм первого слога существенно отличается во всех диалектах хантыйского языка от вокализма непервого слога: в первом слоге встречаются все гласные фонемы, а в непервом только часть» (реценз. работа, стр. 11). Кстати сказать, с аналогичным явлением мы встречаемся и в пермских языках: удмуртском, коми-зырянском, коми-пермяцком и коми-язьвинском³.

Не исключена возможность, что такое положение вещей восходит к глубокой старине, быть может к финно-угорскому языку-основе. Однако об этом можно говорить пока только как о догадке, ибо до сих пор нет ни одного серьезного исследования, посвященного истории гласных непервого слога финно-угорских языков⁴. Поэтому нужно всемерно приветствовать работу, посвященную вокализму непервого слога хантыйского языка, которую (вслед за данной работой) обещает дать автор рецензируемого труда.

Приступая к рассмотрению труда В. Штейница, посвященного вокализму первого слога хантыйского языка, мы должны заметить, что автор, в отличие от своих предше-

¹ Мне известны, например, следующие работы по угро-финским языкам: В. Штейниц, Остяцкий язык (Народы и письменность Севера, Л. 1938, т. I); Steinitz, Vokalismus des Sosva-Wogulischen, Tartu, 1937; Ostjakische Volksdichtung und Erzählungen, I Tartu, 1939; II, Stockholm, 1941; Ostjakische Chrestomathie, Stockholm-Uppsala, 1942; Ostjakische Grammatik und Chrestomathie [предыдущее переработанное], Leipzig, 1950; Geschichte des finnisch-ugrischen Vokalismus, Uppsala, 1942, и т. д.

² K. F. Karjalainen, Zur ostjakischen Lautgeschichte, I. Über den Vokalismus der ersten Silbe, Helsingfors, 1905.

³ Если коми-зырянский (коми) и коми-пермяцкий считать самостоятельными языками, а не наречиями одного языка, то коми-язьвинский необходимо также считать за язык, так как он отличается от коми-зырянского и коми-пермяцкого больше, чем эти два последних друг от друга.

⁴ Выводы Д. В. Бубриха (см. его «Историческую фонетику удмуртского языка», Ижевск, 1948) относительно вокализма непервого слога в пермских языках, сделанные на основании сравнения данных лишь не к о т о р ы х диалектов, без учета вокализма ряда весьма архаичных диалектов пермских языков, без учета других финно-угорских языков, а также заимствований, нельзя считать достаточно обоснованными.